
И электричка, как игла,
До ладожского и обратно
Кладёт стежок так аккуратно,
Как я бы в жизни не смогла.
По белому – зелёный шёлк,
И этот мартовский снежок
Так тонок.

И ты – совсем ещё ребёнок –
Следишь с неясною тоской,
Как что-то важное вершится,
Как будто в первый раз кроится
И шьётся вновь вчерашний мир,
Уже не твой.

Мой друг ушёл, оставив дверь открытой,
И мир, теснясь,
Стоит у сердца, с тишиною слитый, –
Как мост. Как связь.

И в целом мире крохотной приметы
Не опустив,
Сличает сердце: *где ты? где ты? где ты?*
Ты жив? ты жив!

И видит сердце, ранено и сиром,
Что над умом
Тождествен мир ушедшему из мира
Лишь целиком.

И в каждом взгляде, в каждом повороте
Лица на звук,
До времени неслышимый в природе,
Нежданно, вдруг

Рождается и тихо длится чудо –
Сейчас и здесь –
Мой друг со мной, безыменно, повсюду –
Как связь. Как весть.

Низкое солнце до карамельного цвета плавит наст,
Сладкие блики горстями швыряет в ноги.
Боги не сводят с жизни влюблённых глаз,
Соединяя наши дороги.
Соединённые по эту сторону, мы –
Отсветы долгих взглядов
Из полутьмы.

Казанскому собору

На тебя даже трудно смотреть, если из-за угла
Вдруг покажешься весь, в безупречные грани мороза
Словно вплавлен громадой тепла, – эта львиная поза
И песчаный горячий окрас. Я тебя понял,

Разгадала тебя лишь сейчас. В заповедном лесу –
Я в лесу твоём строгом так долго и трудно блуждала,
И тебя не звала, и как будто и вовсе не знала,
Что от века к тебе беспокойное сердце несю.

Но теперь по-другому. Теперь мы с тобою – вдвоём.
И с солдатской шеренгой твоей колоннады шагая,
Я взглянуть на тебя не решаюсь, но всё-таки знаю:
Мы одно на двоих это детское сердце несём.

Идёшь во мне как дождь,
Молчишь как снег.
Идёшь и день и ночь,
И год, и век.

Горишь внутри как след:
Оставлен кем
С того на этот свет?
Кому повем?

О том, Кто ближе всех,
Кто дышит всем...

Я всё в тебе люблю –
Как будто ты младенец,
Как будто ты дитя,
Глядящее во тьму.
Как будто где-то лес
Опять в листву оденется,
И ты услышишь зов,
И побежишь к нему.

И ты войдёшь в тот лес,
Под золотые нити
В воздушных куполах
Растянутых лучей.
И ты войдёшь сюда
И не захочешь выйти
Обратно в тяжкий круг
Лукавых мелочей.

Так разомкнётся сон.
Я знаю – это правда.
Я помню этот лес
И колокол дождя,
Развесивший вокруг
Прохладные гирлянды
Незамутнённых фраз
На радость, – уходя.

Я знаю, будет так,
Что ты опять ребёнок,
Обласканный тоской
В кристальной глубине.
Что этот мир опять
Необъяснимо тонок...
Я верю – будет так.
Коснись меня во сне –

Так сходится Узор:
Безоблачная нежность
Младенческой руки
Не тает на щеке.
Я всё в тебе приму,
Как принимают в вечность,
Как обретают след,
Растаявший в реке.

На нотном стане топот нот –
Следы колясок, ножек, ног
По свежевывавшей странице.
Весёлый уличный аккорд,
И запись нотную ведёт,
Не опасаясь ошибиться
В своей прозрачной глубине,
Прохожий начисто. Как в негу
В соавторства всеобщий ход
Сейчас войди... ты слышишь? Вот:
Симфонией в оттенках снега
Февраль свою хвалу поёт
Стремительному городскому бегу
И поворачивает год
К весне...

Как стол, заваленный бумагами,
Газон в кленовом беспорядке.
Седыми утренними рагами
Сентябрьский воздух дымно-сладкий
В окно с раскрытыми фрамугами
Вливается, а свет на шторе
Восходит солнечными фугами.

И музыке беззвучной вторя,
Внутри неё самой, не около –
Бездонно и почти случайно –
Ты улыбаешься далёкому,
Не просыпаясь под лучами.

Прощалась затемно с тобой.
День глядит бесстрастно и бесснежно.
– Это только маленькая боль.
Я её переживу, конечно.

Но и думать о тебе не сметь?
Сердце чёрной глыбою упало.
– Это только маленькая смерть,
И её для целой жизни мало.

И опять на новый круг спешишь,
У судьбы упрямо просишь меня.
– Это только маленькая жизнь,
Только шаг в ночи благословенной.

(неизвестное письмо Винсента ван Гога брату Тео)

Слишком много тоски пролилось
в потемневшие вены.
Да ещё этот чёртов мистраль, вынимающий душу.
Он убьёт меня, Тео. Смотри:
над прованскою глушью,
Над полями подсолнухов так полыхает сиена,
Что холсты прожигает.

А ночью здесь тает индиго
И стекает по стёклам кафе. Я писал его десять
Онемевших ночей – этот пьяный зелёный и дикий,
До печёнок волнующий красный. И уравновесить
Это можно лишь небом.

Когда выхожу под созвездья –
Под молочный, лимонный, янтарный, –
мне чудится, Тео,
В их бессонном молчании – имя.
Неслышимой вестью,
Неуёмной печалью, снедающей душу и тело.
И мне хочется плакать.

И вот оттого над холстами
Всё растёт и растёт, и, усиленное многократно,
Полыхнёт под мистралем однажды
бездонное пламя –
Это *имя* во мне отыскало дорогу обратно.

Деревья обнимают шумом.
И шум – как купол, и под ним
Я снова становлюсь одним
С Тобой.

Как будто мир – придуман.
И мы глядим в него вдвоём,
Ничуть не грустно, не устало –
Как в грани чудного кристалла...
– Вот наглядимся и пойдём...

Не тоской, а любовью. Горячим её лучом.
В каждом близком и дальнем лелея одно и то же
Бесконечное «я». Узнавая себя в прохожем,
Проходя на просвет, задевая его плечом.

В каждом новом лице повторяясь созвучьем черт,
В неизбывном пути утверждаешь, как аксиому:
Всё идёшь и идёшь и никак не придёшь к другому,
Потому что другого от века на свете нет.

Не я, но мы. И Ты меж нами.
И каждый чист, и каждый пуст,
Как лист и придорожный камень,
Согрет у сокровенных уст,

Согрет и свят. Ещё для тайны
Бессилен взгляд – так сон глубок.
Лишь тронет лоб почти случайный,
Нежданный тонкий ветерок.

Благословляю твой уход
И славлю руку, уводящую
Тебя наверх, за небосвод,
Из призрачного – в настоящее.

Горчайшую из всех потерь
Люблю – и каждый обжиг опыта...
И шаг в распахнутую дверь –
Туда, где ничего не отнято.

Земля сияет под ногами,
Незамечаемая нами,
Ты видишь это или нет?
Неизъяснимый Божий свет
На все вопросы листопада
Прозрачным делает ответ,
И нас уже почти что нет
В алее вспыхнувшего сада...

А уцепиться можно только
За пустоту.
За трепет жизни – сладкой, горькой –
Зовущей ту,

Другую жизнь. За холод истин
Сквозь жажду лет –
За дважды два равно немислимое
И дальше – в свет.

Подорожник-июль –
на саднящую ранку – от боли и пыли.
И опять на качели:
из небыли в были, из небыли в были...
Чьи бы руки встречали,
глаза бы искали, смеялись и пили
В безвоздушном пространстве
тягучие взгляды: не ты ли?

Но не ты. И с пустым
раскачавшимся сердцем
домой или в поле.

Водворяя себя
с одуревшей неволи
в сушайшую волю,

Вдруг находишь конверт
недошедшего лета – внутри только листья –
И становишься сам этой солнечной,
горькой жизнью.

Ты –
Ночь, полыхнувшая густо-синим,
Имя, пришедшее горьким морем,
Тихий огонь, в янтаре носимый,
В грохоте волн, в ледяном разоре.

Ты –
Солнце, сошедшее в тьму и камедь,
В схваченный ужасом жаркий камень,
В донных провалах, в тоске, как в храме,
Что ты узнал меж двумя мирами?

Ты растёшь, и так плавно меняются твои черты.
Это ты, это всё ещё ты, и снова – ты.

Ты смеёшься, и ветер относит твой смех во тьму.
Не смотри назад, не печаль свой взгляд
и не верь тому,

Что когда-то так же пройдёшься по краю дня,
За которым уже готовлюсь родиться я.